

Об авторе. 47 лет. Живет в Санкт-Петербурге (Россия). "Родился в Ленинграде..."

Там же учился в школе и Ленинградском Политехническом институте, участвовал в проектировании различных объектов энергетики, занимаюсь медицинским бизнесом. Как литератор, выпустил три книги стихотворений, сотрудничал с журналами: "Звезда", "Folio Verso", "Изящная словесность", "Венский литератор" и др., выступаю с авторскими программами в Арт-Кафе "Подвал бродячей собаки", в Галерее "Мольберт".

Екатерине Полянской

Я бы тоже хотел остаться с тобою в маленьком городке...
Это странное свойство речей в сослагательном наклоненье –
всё как будто взыскуют жалости, и те, с кем накоротке
довелось нам общаться, в смятении сейчас, в волнении.

Мы с тобою исчезли внезапно и не берём вино
в винной лавке на площади, и в овощной – клубнику.
Перестали кормить голубей и так, как это заведено,
их не просим вписать счета в долговую книгу.

В том кафе у реки, где изящных манер не ждёшь,
но горячий двойной – достоин отдельной оды,
фрау сели за столик, затеяли свой галдёж,

обсуждая наряды, капризы детей и моды.

Там тебя не застав, я, наверно, пойду кружить
по проулкам случайным, где сушат бельё и кошки
лишь одни продолжают достоинством дорожить,
а хозяева их, что со скользкой сошли дорожки

обречённо сидят на корточках, курят дрянной табак,
незнакомым прохожим бросают вослед ухмылки.
Как стемнеет, здесь слышны истошные крики и лай собак,
одичалая музыка, звон от разбитой бутылки.

Не ищи меня там. Я надеюсь: найдёшь ты - сад
с одинокой скамейкой и с видом на крыши, шпили...
Чтоб представить кирпичный, зажмурив глаза, надсад
и пустые дворы, что чужую печаль скопили.

Мы, возможно, ещё погостим на чужих пирах,
и в заботах иных оправдаем свой хлеб насущный,
но вернёмся туда, где нам прежний неведом страх,
где на мессу зовет горожан с колокольни – звучный

гулкий колокол. Будет дождливо, и мокрый дым
над рекою сгустится. В кофейне пустой шоколад горчащий
мы закажем с тобою. И пусть кто-то скажет: им
ни звенящая медь не страшна, ни кимвал звучащий.

* * *

О летящей звезде, что давно вдалеке
за стеною дождя и за облачной пылью
вспоминаю в тоске. Вот и рюмка в руке,
и закуска нехитрая. Бог к изобилью

был несклонен сегодня. За то, что послал
воссылаю Ему благодарность - довольно.
Лишь бы в печке огонь клокотал, и пылал -
детский уголь в груди. Обжигай и глаголь, но

не чужие сердца - но пространство вокруг,
этот воздух сырой согревая дыханьем,
жадным шёпотом, жарким касанием рук
так, как будто собрался ты высушить ткань им.

Что твоё бормотанье? – Шаманство, мольба...
Бесполезный пасьянс, подбирающий слово

в нужный ряд? Вдруг сойдётся! Вот шанс твой, судьба.
Ты давно загадал, но попробуй-ка снова:

я хочу сквозь пространство – тут время не в счёт
и немного зависит от скорости света –
угадать, что там с Нею, какой звездочёт
рассчитал Её путь. И возможно ли это –

до конца уповать: если светит Она,
значит знает, что мне без Неё невозможно?
Даже если вокруг темнота, тишина,
местность дачная спит и не лают тревожно

за проселком в деревне собаки; застыл
мир осенний в предчувствии дальнего грома, -
если светит, то сделает так, как просил, –
верю я. И не каркнет на ветке ворона.

Отцу

Не знаю я, какой тебе конвой
доставил в срок заветную глюкозу,
какой артиллерист с передовой
прикрытие дал случайному обозу.

По набережной вдоль фабричных стен
разрушенных до дачи Безбородко
шли бабушка и тетя, верно с тем,
чтоб угадать осознанно и кротко

известие о смерти. Ты был жив.
Был месяц март. До снятия Блокады -
не счесть ненастных дней, но отложив
твой жребий, постарались адвокаты

небесные хранить тебя и впредь...
Всю жизнь сполна платить за их услуги -
ты был готов. Пред тем, как умереть,
учил меня лекарству от разлуки:

жить, каждый день творить в избытке лет,
как дар ответный тем, кто нас любили,
и после - не твердить с тоской: "Их нет!"
Но помнить с благодарностью, что были.

[Страница автора в Сети.](#)